

Толпа мужчин и женщин спешно приближалась, кто с палкой, кто с верёвкой в руках, в растрёпанных одеждах, с включенными волосами, будто только что сорвались с постели. Видно, подняли их внезапно, посреди ночи.

— Живо! Хватайте его! — прорычала Чжао Дунчжи, указывая на Лин Си. На ее лице больше не было ни намёка на доброжелательность, вся притворная ласка слетела без следа, осталась лишь голая агрессия.

Лин Си с непониманием наблюдал, как толпа, бормоча на непонятном ему языке, словно дикари из этнографического документального фильма, с верёвками и угрозами кинулась к нему. Но странность заключалась в том, что нападали исключительно женщины, волосы их были закручены в пучки, знак взрослой замужней женщины. Мужчины же стояли поодаль с дубинками, но не вмешивались.

Он прищурился. Неужели здесь... матриархат?

Однако размышлять времени не было. Вперед вышла одна женщина, лицо которой было поразительно похоже на лицо Чжао Дунчжи, вероятно, сестра или близкая родственница. Она с неожиданной сноровкой метнулась к нему, пытаясь схватить за волосы, но промахнулась. Рука её сомкнулась в воздухе.

Ошарашенно посмотрев на свою пустую ладонь, она затем уставилась на Лин Си, на его коротко остриженные волосы, и в глазах её вспыхнул гнев. Резко повернувшись к Чжао Дунчжи, она с возмущением бросила:

— Ты что, всерьёз хочешь выдать Шуньцзы за такого вот гера? Волосы и кожа - дары от родителей, а он себе все остриг... Сдается мне, тут что-то нечисто. Может, он уже опозорился где, и его в монастырь отправили!

Услышав, как её старшая сестра заговорила в таком тоне, Чжао Дунчжи и сама занервничала, сердце её заколотилось, сомнение закралось в душу. Но вот её муж, напротив, выступил решительно, без тени колебания:

— Старшая сестра, да хоть бы он в прошлом и впрямь что-нибудь такое натворил, мне всё равно. Лишь бы дал продолжение роду, сыновей родил в нашу семью Чжан и ладно. К тому же, ты ж знаешь, Шуньцзы как раз по красивеньким сохнет. Он вон недавно всё грозился девку из борделя выкупить. А этот гер, как ни крути, и чище, и лучше любой бордельной.

Женщина, руководившая толпой, приподняла брови и резко повысила голос:

— Мы, простые люди, не можем себе позволить брать в жёны девок, что из грязных мест пришли! Старшая невестка, вторая невестка, быстро, связывайте его, пока соседи шум не услышали. Нам болтовни за спиной не нужно.

Их слова и поступки в глазах Лин Си походили на дешёвое представление, словно ярмарочное шоу с дрессированными обезьянами. Разумеется, он не собирался покорно позволить им обращаться с собой как с товаром. С его физической подготовкой справиться с подобной толпой деревенщин было раз плюнуть.

Но, как назло, стоило ему отбежать метров двести, как внутренние органы, резко активировавшиеся из-за перегрузки в процессе восстановления, дёрнули такой болью, что он просто вырубился на ходу.

Позади Чжао Дунчжи и вся её толпа, с трудом за ним гнавшаяся, были в полном изумлении. Как это он, с виду хрупкий гер, так быстро бегаёт? Они уже почти оставили попытки его догнать, как вдруг юноша, зацепившись за край рисовой грядки, неловко споткнулся и прямо на их глазах рухнул в залитую водой рисовую террасу, где неподвижно замер.

На месте происшествия воцарилась гробовая тишина. Только муж Чжао Дунчжи, словно наткнувшись на сундук с сокровищами, с восторгом подбежал к Лин Си, хихикая, как деревенский дурачок. Засучив рукава, он без церемоний потащил бесчувственного юношу обратно на тропу, улыбаясь от уха до уха:

— Хе-хе, видно, сам Небесный император предначертал, чтоб ты стал зятем семьи Чжан и продолжил наш род!

□

У входа в деревню под раскидистым баньяном собрались женщины. У одних в руках были корзины с овощами, в других пальцы с вышивкой. Они о чём-то болтали, не забывая параллельно трудиться.

— Мой муж утром в поле встретил Чжан Дакуя. И угадайте, что тот сказал? — с заговорщическим видом начала одна из тётушек, забыв даже, что держала овощи. — Представляете, он пригласил моего-то... на свадьбу! Сказал, через пару дней гулянка будет!

Глаза у неё так и сверкали, лицо вытянулось в театральной гримасе: удивление, интрига, важность.

Услыхав такое, женщины вокруг тут же оживились, все с одинаковым выражением: то ли шок, то ли возбуждение, то ли чистое, недоверчивое любопытство. И у каждой в голосе потрясение.

— Кто ж этого не знает... Шуньцзы же пьёт, ест, бабами увлекается, да ещё и в карты до последнего проигрывается! Двух жён уже сам же и распугал! Где это он такую сваху нашёл, чтоб ещё и свадьбу играть? Чжан Дакуй, наверное, заливает с перепоею...

— Точно! — тут же подхватила одна, — помните, как тот Лао Ма с черной душонкой обещал

выдать дочку за сына Чжан Дакуя? Так девка в лепёшку готова была разбиться, лишь бы не идти за Чжан Баошуня! В итоге чуть с жизнью не рассталась, а у отца ни денег, ни невесты, всё впустую.

Слово за слово, женщины продолжали обсуждать семейство Чжан с увлечением и знанием дела. Среди них особенно выделялась одна с пальцами в руках, на которых распускался узор из цветущих бутонов. На ней была длинная юбка из ткани цвета индиго, заметно более дорогой, чем у других, в чёрных, простых платьях. В причёске сверкала серебряная шпилька, на запястьях — пара изящных серебряных браслетов. Женщина выглядела ухоженной и сохраняла неувядающее обаяние.

Она заговорила мягким, плавным голосом:

— Говорят же: блудный сын, если одумался, дороже золота. Может, Шуньцзы и вправду в этот раз поумнел, решил по-настоящему относиться к своей семье. Свадьба, она ведь всегда радость, не важно, какая история у жениха. Надо бы поздравить.

— Верно говоришь, Сюцзюань. Мы все в одной деревне живём, поссоримся, помиримся, обычное дело. А свадьба — дело святое.

— Потому у тебя, Сюцзюань, и жизнь ладится, — поддакнула другая. — Умная ты, рассудительная. Вот гляди, у вас в доме и достаток, и мир.

Разговор плавно перетёк с дома Чжан на дом Чжао Сюцзюань. Женщины болтали и смеялись, настроение заметно потеплело, когда вдруг, словно обронил не к месту, один из сидящих поодаль средних лет фулан, занятый шитьём кошелька, неожиданно спросил:

— Слышал я, на северо-западе победу одержали... Много солдат уже по домам вернулось. От вашего старшего сына по-прежнему нет вестей?

Жизнерадостное настроение внезапно застыло, будто ледяной шип вонзился прямо в кости. Тот самый фулан средних лет, что только что беззлобно спросил, резко понял, что ляпнул лишнее. С натянутой, виноватой улыбкой он пробормотал:

— Да я ж просто... по-доброму. Всё-таки я ж с самого детства твоего старшего видел, как рос...

Чжао Сюцзюань горько усмехнулась, медленно покачала головой, достала платочек и промокнула уголки глаз:

— Нету вестей... Столько лет, мы с его отцом уже давно смирились.

Женщины тут же поспешили её утешать, кто-то приобнял, кто-то погладил по плечу, а неосторожному фулану достались злые взгляды, мол, язык бы себе прикусил, раз мозгов не

хватает.

□

— Как новые люди, вы обязаны всегда помнить свой главный принцип: не причинять вреда обычным людям.

— Всегда носите ошейник. Он следит за вашим состоянием и, в случае потери контроля, введёт успокоительное.

— Не забывайте своевременно колоть ингибитор, это поможет избежать приступа брачной горячки.

— Учитель! — поднялся с места юноша с короткой стрижкой и дерзким лицом. — А если вдруг забуду вколоть ингибитор, что тогда?

По классу прокатился гулкий смешок, вперемешку с шушуканьем и многозначительными взглядами. В этих насмешках звучали и затаённый интерес, и намёки, и пошловатое веселье, которым подростки любят окрашивать запретные темы.

С задней парты кто-то пнул стул юнца с короткой стрижкой и насмешливо бросил:

— Так иди к Чжу Ли, пусть она тебя “успокоит”! У вас ведь сейчас сплошной огонь!

В классе разразился громкий хохот, смешки и подначки посыпались со всех сторон, даже преподаватель на кафедре не удержался от улыбки. Лишь один человек не отреагировал ни на слово — Лин Си, сидевший на первой парте. Он был полностью поглощён материалом, словно находился в другой реальности, где не было ни насмешек, ни шума, только сухой, чёткий ритм лекции и жажда знаний.

— Все вы знаете, — продолжил учитель, слегка повысив голос, — что так называемая “горячка” до сих пор остаётся неразрешимой загадкой для науки. К счастью, нам удалось разработать ингибитор, который позволяет сохранять рассудок в период приступа.

— Как представители новой человеческой расы, мы сильны и особенные, — продолжал он, шаг за шагом выстраивая структуру ответственности. — И потому обязаны защищать общественный порядок, оберегать обычных людей. По сравнению с нами они хрупкие, словно цветы, и нуждаются в нашей заботе. Именно поэтому мы снова и снова повторяем: категорически запрещено причинять вред обычным людям.

Дойдя до этой части, учитель посерьёзней, голос его стал резким, как лезвие:

— В новостях вы, должно быть, слышали: уже не раз бывали случаи, когда новые люди, потеряв контроль во время горячки, нападали на простых граждан. Уровень смертности в таких инцидентах 99%.

В классе повисла гнетущая тишина. Воздух, казалось, сгустился, стал тяжёлым, как свинец. Лица учеников потемнели, лбы нахмурены, кулаки сжаты до побелевших костяшек. Казалось, будто у всех в глотке застрял невидимый ком, а в голове только звон, глухой и давящий, словно мир на миг перестал дышать.

Спустя полминуты напряжения преподаватель наконец расслабил плечи и, сменив интонацию, попытался разрядить обстановку:

— Ладно, не нужно так уж сильно паниковать. Главное вовремя колоть ингибитор. А если и это не поможет, на шее у вас есть ошейник. Там такой запас снотворного, что и мамонта с ног свалит!

— ХА-ХА-ХА-ХА! Да ну, серьёзно?!

— Вот это жёстко!

— Мамонта! Не слабо...

Класс дружно рассмеялся, в воздухе снова зашумело, напряжение словно ветром сдуло. Шум, хохот, лёгкий бардак вернулись на свои места.

— Мамонт... — пробормотал Лин Си, отрываясь от книги. — Погодите... это же вроде несъедобное?

Он задумался буквально на секунду, а с его лица уже считывалась серьёзная внутренняя дилемма. Но как только он откинулся назад, теряя позицию, которой прикрывал свой учебник, взгляд учителя упал прямо на страницы.

В следующую секунду мышцы на лице преподавателя дёрнулись, челюсть скривилась, а кулак незаметно сжал ручку так, что та хрустнула.

На странице чётко красовался заголовок: «Холодная закуска из свиной головы. Пошаговый рецепт».

— Лин Си!!! Вон из класса! Стоишь на руках под дверью до конца урока! А потом ко мне в кабинет! Будешь наизусть декламировать весь сегодняшний материал!

□

— Нельзя... нельзя поднимать руку на обычных людей... — пробормотал Лин Си, просыпаясь. Голос был сонный, глухой, словно отголосок далёкого воспоминания.

— Чего бормочешь там под нос? Живо ешь! — голос у женщины был раздражённый, и чашку она поставила на стол с таким грохотом, будто не еду приносила, а приговор зачитывала.

Лин Си повернул голову и бросил на неё взгляд. Женщина была ему незнакома, выглядела лет на двадцать с хвостиком. Волосы убраны в пучок, значит, замужем.

Так что же не так с дочерью этой семьи, раз они готовы на всё, лишь бы затащить в дом неизвестно кого и насильно сделать его зятем?

Он с трудом встал с кровати, тело до сих пор было слабым, как изношенная тряпка. Подошёл к столу и посмотрел в глиняную чашку: в центре лежала одна темная булочка. Видимо, решили специально держать его на грани голода, лишь бы не умер, но и сил для побега не набралось.

Впрочем, это было не только из практических соображений. Это был демонстративный жест наказания, первый урок. Задуманное Чжао Дунчжи "воспитание". Сама она тем временем подошла к окну и нарочно остановилась у щели в раме, чтобы подглядеть за тем, как избалованный, по её мнению, белокожий юноша сидит и всхлипывает от обиды.

Ха, таких молоденьких геров, что жизни не видели, ломать — пара пустяков, думала она с самодовольством. Сколько таких дерзких девок и геров в деревне у неё на глазах после замужества становились тише воды, ниже травы, стоило лишь свекрови взяться всерьёз.

Однако, заглянув внутрь, Чжао Дунчжи застыла, как вкопанная, глаза расширились от изумления, и она даже потерла их кулаком, будто не веря увиденному.

Вот это чертовщина!

Эта черствая булочка даже в воде не размачивается, твердая как камень. Был случай: старая бабка, жалея еду, попыталась съесть вчерашнюю булочку и подавилась насмерть. А иной ребёнок, укусив, себе зуб ломал. Такую еду и свинья жрать не станет, разве что в доме совсем беда, и есть больше нечего.

А этот... ест! Ест так, будто ему подали деликатес с императорского стола - с аппетитом, не морщась, даже с каким-то удовольствием. Если бы посторонний увидел, подумал бы, что это не обугленный комок теста, а жареный кабанчик с хрустящей корочкой.

Чжао Дунчжи во все глаза уставилась на Лин Си, уверенная, что вот-вот он скорчится от отвращения, выплюнет кусок и выругается. Но нет, не только не выплюнул, а ещё и улыбнулся.

Он и так был рождён красавцем - тонкие черты, изящные линии, благородная стать, в его

движениях была лунная плавность, утренняя лёгкость. Такую красоту и сравнить было не с кем, даже прославленный на всю округу Чэнь-сюцай на его фоне выглядел бледно.

А теперь он улыбнулся, и будто сияние позолоты залило это захламлённое, душное, обшарпанное помещение.

— Мам, это и есть мой новый супруг? — раздался взволнованный голос прямо у Чжао Дунчжи за спиной.

Она от неожиданности схватилась за грудь, резко отшатнулась и локтем оттолкнула сына, который уже втискивался носом в оконную щель:

— Ах ты, бестолочь! Смерти моей хочешь, что ли? Чуть сердце не выпрыгнуло!

А вот Чжан Баошунь был не напуган, а заморожен. Его глаза округлились, взгляд впился в Лин Си, рот приоткрылся, он сглотнул слюну, потом ещё и ещё, прилип к окну, как муха к мёду, видно было, что его едва не трясёт от желания. Ещё чуть-чуть, и полез бы внутрь, как в комнату новобрачных.

Чжао Дунчжи только взглянула на сына и всё поняла: стоит его заднице чуть дёрнуться, она уже знает, что в голове у этого оборота. Схватив его за ухо, она оттащила сына в сторону и зашипела:

— Да, это он. Слушай сюда внимательно: если ты ещё раз кого-то кулаками из дома выгонишь, я больше тебе жену не найду.

— Мам, ты у меня лучше всех! Не волнуйся, я быстро тебе внука сделаю, — с ловкостью, отточенной годами, Чжан Баошунь принялся ластиться и заискивать, умело притворяясь послушным и ласковым сынком, отчего мать моментально расцвела от умиления.

Чжан Баошунь и вправду в этот раз остался в деревне, не поехал шляться по трактирам и притонам в уезд. Даже принялся всерьёз за подготовку комнаты новобрачных, чем несказанно порадовал всю семью Чжан. Опасаясь, что Лин Си снова сбежит, они даже стали выставлять ночное дежурство, чтобы присматривать за ним и днём, и ночью.

Лин Си не понимал, о чём они говорят, а потому, запертый в комнате, даже не догадывался, что уже завтра его собираются выдать замуж за мужчину.

Он ждал. Выжидал момент, пока тело не восстановится.

Ночью начался мелкий, морозящий дождь. За дверью раздавались приглушённые голоса, затем шаги, и всё снова стихло.

Холодный ветер, проникая сквозь щели и трещины в оконной раме, пронёсся по комнате, обдав кожу ледяным дыханием. По телу прошла дрожь, волосы встали дыбом. Лин Си заметил, что температура воздуха резко упала, но вот дыхание у него, напротив, стало обжигающе горячим. В груди словно разгоралась тихая, затаённая жара, и негде было её выплеснуть.

Он встал, собираясь налить себе холодной воды, чтобы немного сбить внутренний жар, но в этот момент дверь, которая была заперта, вдруг медленно отворилась. Кто-то, стараясь не шуметь, осторожно вошёл. Но скрыться от слуха Лин Си было невозможно. В темноте напротив него резко застыла мужская фигура. Гость явно не ожидал, что Лин Си окажется на ногах и будет стоять посреди комнаты, словно ждал кого-то.

Чжан Баошунь, хоть и знал, что уже утром тот станет его супругом, всё равно не мог унять зуд в теле. Вождение в конце концов взяло верх: он решил, что не удержится и под покровом ночи украдёт поцелуй у спящего красавца. Всё равно ведь он его законный будущий фулан.

Но кто бы мог подумать, что тот не спит? Что стоит в крошечной тьме, в глухой тишине, посреди комнаты, непонятно с какими намерениями. Неужели он хочет сбежать?!

Лин Си всего лишь хотел налить себе стакан холодной воды. Но стоило ему оказаться посреди комнаты, как в глухую ночь врывается незнакомый мужчина, вопит что-то несусветное, поднимает шум на весь дом. В считанные минуты сбегается толпа, начинают галдеть, причитать и, как ни в чём не бывало, связывают его.

В груди у Лин Си будто вспыхнуло пламя, и это была не метафора. Жар поднимался от самого нутра, стелился по дыхательным путям, заполнял сухое, обожжённое, словно выжженное изнутри горло. Он ощущал, будто стал крошечным, ненасытным пламенем, что поглощает энергию всего вокруг, растёт, ширится и с каждой секундой превращается в пылающий огненный шар.

Голова кружилась, мир плыл перед глазами. В этом дымчатом, расплывчатом полусне он вновь увидел своего учителя.

— Лин Си, поздравляю с совершеннолетием. С сегодняшнего дня тебе необходимо носить контрольный ошейник. Есть предпочтения? — спросил преподаватель, раскладывая перед ним несколько моделей с разными цветами и формами.

Лин Си небрежно выбрал самый обычный чёрный, базовый. Учитель лишь пожал плечами, как будто заранее знал, что тот сделает самый скучный выбор, и спокойно убрал остальные варианты обратно.

— Я научу тебя, как правильно вводить ингибитор. В будущем выбирай сам: хочешь — пользуйся препаратом, хочешь — проходи горячку с другим новым человеком. Но запомни главное: никогда не поднимай руку на обычного человека. Ни при каких обстоятельствах.

"Тум-тум!" — Лин Си отчётливо слышал, как бешено стучит его сердце. Кровь, словно бурный прилив, с силой хлынула по жилам. Душа и тело разрывались в клочья, словно невидимые нити между ними переставали держать друг друга. Что-то внутри дикое, первобытное вот-вот должно было вырваться наружу, разбив клетку, разломав всё на своём пути.

Раздражение. Возбуждение. Беспокойство. Лихорадочная тревога.

Вдруг раздался резкий вдох. Лин Си распахнул глаза. В них будто вспыхнуло кровавое пламя, скрутившееся в дракона, но в тот же миг оно рассеялось, как утренний туман. Ни следа, ни дыма, ни огня.

Лучи холодного, чистого лунного света упали на пол, серебряной пылью рассыпавшись по треснувшим доскам. В этот миг, казалось, сама луна утонула в его глазах. Они сверкали прозрачным, чистым светом, словно выточенные из хрусталя, холодно-прекрасные.

Спустя час температура наконец стабилизировалась. Лин Си обессиленно обмяк, безвольно осев в кресло как высушенная, безжизненная рыба, выброшенная на берег.

Три месяца назад его учитель, не дожидаясь, когда у него впервые случится горячка, сразу показал, как вводить ингибитор, потому что сразу после этого Лин Си предстояло отправиться на тайное задание.

Сегодня Лин Си впервые по-настоящему прочувствовал, что такое горячка, хотя, если быть точным, это была лишь её прелюдия. Ничто иное, как предупреждение: скоро начнётся по-настоящему, так что либо принимай ингибитор, либо ищи партнёра, с кем можно безопасно пережить приступ.

Попасть в отсталый, почти первобытный мир, быть насильно затащенным в чужой дом в роли зятя, терпеть голод и унижения - всё это для него было пустяками.

Настоящая беда заключалась в том, что горячка вот-вот начнётся, а ни ингибитора, ни ошейника под рукой нет. Даже если бы он и захотел найти себе пару для сдерживания, здесь просто нет таких, как он. А если и есть, то явно не в пределах досягаемости.

Что касается местных... Лин Си даже не рассматривал такой вариант.

Новый человек - это не просто метка или статус, это результат вынужденной генной трансформации, к которой человечество прибегло ради выживания. В ДНК Лин Си были внедрены хищные элементы. Он, например, носил в себе гены волка: обострённые чувства, невероятная скорость, звериная интуиция. Подобные себе он узнавал с первого взгляда, с первого вдоха.

А вот обычные люди, напротив, смотрели на новых с отвращением и страхом, за глаза называя

их мерзкими зверюгами.

Сидя взаперти, Лин Си не мог никуда выйти, но даже изнутри он отчётливо ощущал: поблизости только обычные люди. Ни единого намёка на своего.

Если новый человек не сможет благополучно пережить горячку, его ждут лишь два исхода: сойти с ума или умереть.

Но самое страшное даже не это. Лин Си знал: он обязан удержать контроль, не допустить, чтобы в порыве утраты разума причинил вред этим людям.

Перед внутренним взором всплыла картина: бескрайние поля молодых зелёных всходов, ровными рядами тянущиеся к солнцу. Он не успеет дожидаться осеннего урожая. Не успеет наесться настоящего, белого, горячего, рассыпчатого риса вдоволь.

Умереть, так и не наевшись досыта? Он не согласен. Он не может с этим смириться!

<http://bllate.org/book/13580/1204844>